

Йенс БАЙДЕРВИДЕН —
доктор, директор Института
социальной работы
и социальной педагогики им. А. Саломон

УДК 364.000

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА: ВНЕДРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАКТИКУ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ?

АННОТАЦИЯ. В статье предложена новая философия понимания социальной работы и социального работника, диктуемая объективным ходом развития современного общества.

The article offers new philosophy of treatment both of social work and a social worker that are predetermined by the objective factors of modern society development.

Тема моей статьи звучит как провокационный вопрос. Утвердительный ответ на него означал бы, что социальная работа готовит только почву для изменений в социальной сфере и, в конечном счете, ей остается лишь роль простого агента этих перемен. Отрицательный ответ противопоставил бы социальную работу социальным переменам. Если же последние слова заголовка поменять местами, появляется еще одна возможность толкования: *преобразование социальной работы* означало бы, что, как правило, социальная работа проводится в отрыве от изменений в социальной сфере и что для изменений необходим толчок. Возможно, это действительно так. В интернациональном плане в социальной работе намечаются новые тенденции, одной из которых является концепция социального менеджмента. Я же, напротив, собираюсь придерживаться традиционной концепции социальной работы, поскольку слово *работа* имеет такое комплексное значение. Выбирая данное обстоятельство в качестве исходного пункта, я хочу попытаться выяснить, какое влияние оказывают в настоящее время друг на друга социальная работа и социальные перемены, что обуславливает появление новых концепций и актуальных тенденций, которые являются предметом нашего обсуждения. Исходя из этого, мы остановимся более подробно на некоторых аспектах, в частности:

- на всеобъемлющей роли изменений в социальной сфере, которые вследствие глобализации рыночной экономики неуклонно набирают скорость, в результате чего система социального обеспечения подвергается массивному давлению;

- на особенностях динамики социальных перемен и социальной работы в Европе после завершения эпохи холодной войны, причем особое внимание мы уделим Германии, где Восток и Запад объединились в государство с единой социальной системой (а будучи жителем Берлина, я имею определенное представление о попытках справиться с коренными изменениями такого рода в рамках одного города);

- на требованиях, которые в связи с таким развитием предъявляются к подготовке специалистов в сфере социальной работы, обращая особое внимание на то, какой ответ на этот вопрос найден немцами.

Универсальная роль изменений в социальной сфере

Глобализация свободной рыночной экономики имеет последствия практически во всех странах земного шара. И даже те страны, которые, кажется, хорошо справляются с нею, чувствуют на себе ее холодное дыхание. Не вдаваясь подробно в вопросы экономики (недавние кризисные явления в дотеле успешно развивавшейся экономике так называемых «новых азиатских тигров», сокращающиеся, несмотря на экономический бум, доходы среднего класса в Америке), можно, несомненно, отметить то обстоятельство, что экономический рост в такой же степени связан с дополнительными накладными расходами, как и спад экономической деятельности той или иной нации, а также всего мира. То же самое можно сказать и о социальной сфере. Как выявил в своем классическом исследовании по социологии суицида Э. Д. Дюркгейм, рост релевантных статистических данных в равной мере вероятен как в период благосостояния, так и в период бедности, или, более того: интенсивность, с которой происходит подъем или спад при умножении национального благосостояния, определяет цифру роста в статистике суицидов [1]. Это свидетельствует о том, что коренные перемены в том или ином направлении сами по себе являются одним из доминирующих факторов в жизни общества, а в обществе, изменяющемся непрерывно, все более возрастающим темпом, они являются главным доминирующим фактором.

Нет необходимости рассматривать универсализм перемен более подробно. Можно было бы даже предположить, что перемены в социальной сфере являются фундаментальной силой, лежащей в основе экономики, поскольку при стабильной экономике, которая действительно иногда имеет место, царит равновесие между потребностями и товарами (благами), и как только достигается это состояние — *ceteris paribus* (при прочих равных обстоятельствах), как говорят экономисты, — нет больше никакой необходимости в переменах, то есть перемены исключаются. Но то же самое действует и в отношении социальной работы. Если мы на базе этого придем к заключению, что понятие *общее благо*, тесным образом связанное со словом *благосостояние*, охватывает обе сферы, в одинаковой степени и экономическую и социальную, как две стороны одной медали, нам станет совершенно ясно, что социальная благотворительность существовала всегда. А также и социальная работа. В справочниках исконная роль социального работника обычно возводится к истокам слова полиция (*Polizei*), к эпохе, когда в средневековых городах возникла срочная необходимость принять действенные предупредительные меры против распространения таких социальных зол, как эпидемии, проституция, преступления и т. д. Если, однако, принять во внимание более широкий философский горизонт, являющийся источником этих мер предосторожности, то это наводит на представления о любви к ближнему и о Царствии Божием, чем было проникнуто раннее христианство.

Действительно, можно было бы вернуться ко временам культа храмов на античном Ближнем Востоке, функционировавших не только в качестве комплексного центра оказания услуг, который объединял в себе скотобойню, банк, религиозные услуги и услуги частного характера, но и приобретающих живые очертания (как это можно проследить в песнопениях Псалтыря) заботы об отдельном индивидууме, который нуждался как в юридической помощи, так и эмоциональной поддержке. Храм мог предоставить убежище, и история древнего Рима показывает, как новое поселение такого рода в регионе Лацио, выражаясь современным языком, добилось преимущества перед

соперниками благодаря либеральной политике при предоставлении убежища. Можно было бы даже обратиться к самым ранним этапам социальной и экономической организации, к обычаю людей, живущих на низком уровне цивилизации, институционализировать первый шаг в направлении общего блага, как, например, общинные выпасы для скота или амбар вождя племени, которые принадлежали всем, — обычай, оказавший большое воздействие на идею коммунизма. Но все это прекрасно в добрые времена, при хорошей погоде (а погода на этапе низкого уровня развития экономики, а к тому же еще и в сельском хозяйстве, играет исключительно важную роль). Главный вопрос состоит в следующем: как обстоит дело со всеобщим благополучием в плохие времена, во времена кризисов?

В кризисные времена проявляется скрытая обычно борьба за распределение благ. Под вопросом оказываются все затраты, все имущественные ценности, даже права, ранее считавшиеся основополагающими, ставятся под сомнение. Попытаемся описать сценарий, по которому каждый раз развиваются события в Германии, когда ей грозит кризис.

Германия выделяет приблизительно третью часть валового общественного продукта на сеть социальной защиты [2], что воспринимается мировым общественным мнением, если таковое вообще имеется, — в особенности это касается американцев и японцев — со смешанным чувством восхищения и презрения. Ячейки этой сети социальной защиты разнообразны, начиная с обеспечения старости (на что идет наибольшая доля), вплоть до тех или иных налоговых льгот, например, при индивидуальном уходе за тяжелобольными в семье, если один из членов семьи болен и за ним обеспечивается уход дома. Все эти требующие бюджетных средств различные элементы подвергаются во времена кризисов жесткому контролю. Наиболее чувствительными индикаторами являются, однако, расходы на пособия по безработице и социальные пособия, когда в связи с бюджетными трудностями возникает необходимость сокращения общих расходов. В таких ситуациях особенно неловко наблюдать, как в парламентской комиссии, в обязанности которой входит установление прожиточного минимума, а затем и в прессе, и в научных статьях ведутся жаркие споры по вопросу того, сколько человеку без собственных доходов дозволено получить, например, на косметические нужды или на культурные мероприятия (Фильм? Оперу? Сколько книг?).

Количество средств, которые та или иная нация расходует на социально-благотворительные цели, оказывает явное влияние на работу ее социальных служб. Но это ни в коей мере не одномерное соотношение. Напротив, если взять в качестве примера Германию, то можно было бы даже сказать, что увеличение расходов государства на социальные нужды не обязательно гарантирует более высокое качество социальной работы. С одной стороны, увеличение расходов при росте безработицы — самой объемной статьи социального бюджета — обусловлено выплатами на пособия по безработице и на другие аналогичные меры. С другой стороны, при непомерном росте расходов, например, на здравоохранение, возросшие расходы сами по себе еще далеко не означают улучшения медицинского обслуживания. И, в конечном счете, одни только деньги не могут обеспечить появления способных и компетентных специалистов в органах социальной защиты или же хорошей подготовки социальных работников и повышения их квалификации, либо продуманных общественных стратегий, имеющих своей целью, с одной стороны, оказание непосредственной помощи человеку, попавшему в критическую ситуацию, а с другой стороны, одновременное обеспечение

поддержки в его поисках возможности помочь самому себе. Необходимо искать другой критерий для определения успешного или неудовлетворительного функционирования системы социальной благотворительности.

Особенности динамики социальных изменений и социальной работы в Европе после завершения периода «холодной войны» с учетом специфической ситуации в Германии

Для понимания того, что спланирует общество изнутри, следует обратиться к истокам цивилизации, к тому зарождающему началу, которое находится в доисторической эпохе, т. е. до того, как история в самом прямом смысле этого слова — *то, что становится известным и что передается дальше* — берет свое начало. Деятельность девятнадцатого века, так называемая эпоха историзма, после появления специальных научных дисциплин для разработки социального учения породил великие теоретические проекты Маркса, Дарвина и Фрейда, которые до нашего времени остаются источником, питающим научные исследования внутреннего механизма социальной сплоченности. Будь то классовая борьба, будь то борьба за существование или комплекс Эдипа, согласно этим интерпретациям, при формировании общества творческие силы человечества в конфликте пристрастны, и прогресс может быть достигнут лишь тогда, когда произойдет освобождение подавляемых интересов, инстинктов и эмоций. Тем самым мы вновь остаемся без четкого критерия, поскольку даже основополагающая динамика, регулирующая благополучие общества, внутренняя текстура социально-благотворительной деятельности, представляет собой синтез спланирующих и антагонистических сил. Какие же факторы являются в этом случае решающими, определяющими размеренный, эволюционный или бурный, революционный ход истории?

Деятельность девятнадцатого века является веком революций. В хронологическом порядке можно отметить несколько народных восстаний (напр., 1830 г., 1848 г., Парижская Коммуна 1871 г.), но настоящей точкой отсчета являются американская и французская революции, хотя произошли они в конце прошлого столетия, а российская Октябрьская социалистическая революция первой половины XX века также является отзвуком XIX века. Тем не менее самой большой из всех революций является, вероятно, Великая индустриальная революция, которая в течение нескольких десятилетий изменила мир в большей степени, чем это сделали многие предшествующие столетия. Из нее берут начало идеи, или, более того, идеология, которая еще и сегодня определяет наше политическое мышление. Французская революция освободила гражданина, который боролся за свои основные права. Из трех высоких идеалов, которые она хотела осуществить — Свобода, Равенство и Братство, — ей, однако, совсем не удалось реализовать третий, который, кстати, унаследован ею из классической, а также христианской морали древности. В современном мире Европы тон задавало рабочее движение, объявившее самым высшим идеалом солидарность, которая и до сегодняшнего дня остается высшим принципом не только социалистических партий, но и кооперативов, страховых компаний и пенсионных фондов.

Для Европы в прошедшие десятилетия постепенно начала открываться возможность экономического союза. Но остаются различия между Севером и Югом, Востоком и Западом, и до настоящего политического и экономического союза путь еще очень далек. Фактическим мерилем достигнутого уровня объединенности является так называемый показатель реализации, т. е. величина, отражающая, в какой мере директивы, предложенные Европейской комиссией — политическим исполнительным органом Союза, — одобренные Советом Европы — руководителями национальных правительств — и направленные в Ев-

ропейский парламент для принятия утверждены всеми национальными парламентами. Этот показатель, который по-разному выглядит в том или ином секторе политики, в социальной сфере практически равен нулю, так как формирование Европейского социального союза жестко регламентируется принципом единогласия, а британское правительство вплоть до недавнего времени все шаги в этом направлении блокировало наложением своего вето¹. Это означает, что пока просто не существует клиента социальной работы в общеевропейском понимании, а все существенные меры социальной защиты регламентируются национальными системами социального обеспечения и не могут быть перенесены на другие страны. Действительной же движущей силой европейского объединения являются капитал, банки и глобальные рынки. Согласно их понимание истории универсальным свободным индивидуумом, пользующимся своими гражданскими правами, является потребитель; все, что находится за пределами рынка, за пределами потребления — это другая история, которая их совершенно не интересует.

Злые языки утверждают, что данное обстоятельство явилось причиной «бархатных» революций, которые произошли в конце восьмидесятых годов в Центральной и Восточной Европе и которые привели к объединению Германии: освобождение потребителя, равенство рынка, причем братство коллективизма заменяется братством потребительства. Однако по мере того, как развитие экономической базы общества все больше переходит от промышленного производства к области услуг, вырисовывается новый образ роли работника, в том числе и социального. Вместо того чтобы быть представителем верховной власти, облеченным непререкаемым авторитетом по отношению к своим верноподданным, теперь его задача, как это определяется демократическим законодательством, состоит в том, чтобы помогать гражданину реализовывать свои социальные права. Хотя опять-таки и данный образ является идеалистическим, поскольку он характеризует лишь условия, на фоне которых меняется картина социальной работы, в полном соответствии с общими изменениями социальной сферы.

На примере Германии можно наблюдать процесс объединения Восточной и Западной Европы в сжатой форме. Торжественно объявленный принцип равенства безоговорочно отдается в жертву экономическому благоразумию, как только речь начинает идти о социальных правах граждан на Востоке, урезаемых по сравнению с правами на Западе. В условиях рекордно высокого уровня безработицы [4] и после распада существовавших до тех пор восточногерманских хозяйственных структур едва ли можно надеяться на улучшение жизненного уровня людей, хотя, естественно, есть и отдельные примеры «счастливчиков». Самым заметным симптомом того, что население, до конца еще не разобравшееся в себе, чувствуя себя потерпевшим поражение в историческом плане или, более того, жертвой настигающей его истории, является феномен молодого неонациста, как правило, малообразованного и безработного, одержимого ненавистью к иностранцам и враждебным отношением к гражданскому обществу, прислушивающемуся к голосу социальной совести.

Требования к подготовке специалистов по социальной работе, учитывающие изменения в социальной сфере, и немецкий опыт в этой области

История профессионализации социальной работы в прошлом столетии богата примерами того, до каких крайностей можно довести идею и реаль-

¹После прихода к власти нового лейбористского правительства возможно изменение политики в будущем.

ную действительность подготовки специалистов по профессиям, целью которых является оказание помощи. В прошлом году наш специальный вуз имени Алисы Саломон в Берлине, носящий имя основательницы первого учебного заведения по подготовке социальных работников, отмечал столетие со дня открытия Алисой Саломон так называемого *Женского социального училища*. Соответственно требованиям современности училище изменило филантропское отношение к благотворительной деятельности, обеспечив обычно не работающим женщинам возможность получения профессионального образования, оно было вовлечено после Первой мировой войны в политические дискуссии двадцатых и тридцатых годов, особенно на международной арене борьбы за эмансипацию женщин, до тех пор, пока нацисты, руководствуясь своими шовинистическими и расистскими предрассудками и пытаясь повернуть ход истории назад, не сделали социальную работу орудием своей расовой идеологии. Приобретя затем, после окончания Второй мировой войны, важное значение в американской концепции перевоспитания в Германии — кстати, точно так же и в Японии, — подготовка специалистов по социальной работе в настоящее время, опять-таки на международном уровне, но менее политизированно, чем раньше, стремится улучшить свой имидж в ученом мире. В чем фактически заключается требование времени?

Оно в определенной степени связано с имиджем, с образом. В центре процесса социальной работы, отношения между клиентом и социальным работником находится образ оказывающего помощь, к которому обращены все надежды и желания индивидуума в критической ситуации. Знание, как нужно поступить в этом случае, и передача этого знания являются важнейшей задачей при обучении по профилю социальной работы. Это требует солидных знаний основ психологии, но обучение включает также и элементарные сведения по медицине и праву — наукам, которые, впрочем, хранят в себе знания двух старейших в нашей цивилизации представителей помогающих, врача и защитника, к которым следует добавить еще самого старшего представителя, первоначально воплощавшего двух других: проповедника. И эти три факультета: медицинский, юридический и теологический — являются первоосновой наших европейских университетов, начиная со средневековья. Таким образом, мы вновь сталкиваемся с представлениями, возвращающими нас к давно минувшим традициям, в то время как нам следует иметь дело с требованиями нашего времени. Но в этом и есть суть исторических тенденций. Как утверждал великий английский историк Тойнби, бесконечное движение поставленных вопросов и ответов на них (*challenge and response*) обеспечивает продолжение цивилизации.

Если начать анализировать основные опасности, угрожающие современным обществам, то можно четко распознать определяющие их рамки в мировом масштабе. Преступность, наркомания, СПИД и даже беспризорные дети — вот силы, подрывающие социальное благополучие, они не имеют национальных границ. Следовательно, необходимо разрабатывать в международном масштабе стратегии действий или, более того, предупреждающих действий. По этой причине требования, предъявляемые к социальной работе в Европе, а также к подготовке специалистов по социальной работе в масштабах Европы обеспечивают особую позицию Германии — страны, которая после объединения по окончании «холодной войны» должна на своей собственной земле найти возможность выравнивания уровня между богатым, устойчивым Западом и бедным, находящимся в экономическом упадке Востоком. Так, наш институт им. А. Саломон в течение последних шести лет проводил курсы переподготовки специалистов, работавших до этого в уч-

реждениях Восточного Берлина и Восточной Германии, главным образом, по профилям «Работа с молодежью», «Помощь условно осужденным» и «Профилактика здоровья». Вопреки расхожему суждению о дополнительных мерах по перевоспитанию или о переквалификации, опыт показал, что каждый что-то отдавал и что-то получал взамен, что польза была и для воспитателей, и для воспитуемых, что ученики равным образом учили своих учителей, что передача знаний происходила в обоих направлениях.

Это, конечно, урок, который следует извлекать из каждого подобного мероприятия в области воспитания. Он актуален, например, не только в ходе реализации программы по обучению грамоте взрослых, которые, несмотря на формальную неграмотность, владеют разнообразными умениями, приобретенными путем жизненного опыта, — факт, на котором базируется теория Паоло Фрэира, — но это актуально даже для маленьких детей, как обнаружил в свое время Жан-Жак Руссо. Речь в данном случае идет об общеизвестной педагогической истине, являющейся неплохой парадигмой для страны, которой необходимо честное объединение ранее разделенных частей, как это в настоящее время стоит на повестке дня в Германии. Но у собственно социальной работы появляется еще одна дополнительная задача. Если кто-либо становится жертвой социальных перемен — что почти всегда происходит по причине личных или социальных обстоятельств — то социальный работник призван, помимо принятия необходимых мер по оказанию поддержки, относиться с пониманием к происходящим социальным изменениям. Это не означает, что он защищает или даже оправдывает эти перемены, но он не может делать ничего иного, кроме их интерпретации. И в этом случае возникает самый большой вопрос относительно роли социальной работы. Не является ли объяснение перемен попыткой оправдать общество и предать клиента? Не занимается ли она тем, что помогает утвердиться социальным переменам, т. е. внедрить их, о чем спрашивается в заголовке данной статьи? Для того, чтобы справиться с этой опасностью, во время недавней дискуссии о правильных подходах в методике социальной работы была сделана попытка разработать отдельные элементы профессиональной компетенции социального работника. В то время как пионеры подготовки социальных работников, такие как Алиса Саломон, не имели никаких сомнений относительно того, что компетентный социальный работник служит одновременно и обществу, и клиенту, современные концепции защиты или реализации прав (*advocacy or empowerment*) исходят из особых потребностей клиента в той или иной ситуации. Речь идет о смене парадигм в социальной работе [5]. Если же сделать вывод из изложенных выше соображений, то можно лишь констатировать, что должен иметься ведущий принцип или, более того, представление о социальной работе по ту сторону социальных перемен. При этом имеются в виду солидарность, справедливость. И если социальная работа оказывает помощь в их реализации, это уже хорошо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Emile Durkheim: *Le Suicide* (1897), Presses Univesitaires de France. Paris. 1960.
2. Статистический справочник ФРГ. Висбаден, 1997 (1192,5 млрд DM из 3541,0 млрд DM).
3. Статистические материалы Федерального ведомства по труду. Нюрнберг. Март. 1998 (20,6% на Востоке по сравнению с 10% на Западе, при средней цифре 12,1% для всей ФРГ).
4. Friedhelm G. Vahsen (Hg): *Paradigmenwechsel in der Sozialpadagogik*. Bielefeld. 1992.